

RU

Лингвоспецифичность лексической единицы «доброта»
в обратном переводе

Войченко Н. В.

Аннотация. Цель исследования – определить признаки лингвоспецифичности лексической единицы «доброта» в переводе с английского на русский язык на материале параллельного корпуса Национального корпуса русского языка. В статье показано, что русское слово «доброта» обнаруживает все признаки возможной лингвоспецифичности: большое количество слов и словосочетаний, в качестве «реакции» на которые анализируемая лексическая единица появляется в русском переводе, а также случаи их отсутствия. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые рассмотрены и описаны контекстные условия появления слова «доброта» в переводе на русский язык, уточнена семантика анализируемой единицы и ее соответствий. В результате исследования подтверждено, что множество разных функционально эквивалентных фрагментов (в том числе встретившихся по одному разу), в качестве «реакции» на которые слово «доброта» появляется в русском переводе, формируют особую конфигурацию смысловых компонентов и возможных вариантов значения лексической единицы. При этом данные компонентного и контекстуального анализа показывают, что ни одно из английских соответствий не обладает уникальной комбинацией этих смысловых компонентов в одном типе употребления.

EN

Linguistic specificity of the lexical unit “доброта” (kindness, goodness)
in back translation

N. V. Voichenko

Abstract. The research aims to determine the signs of linguistic specificity of the lexical unit “доброта” (kindness, goodness) in translation from English into Russian, based on the material of the parallel corpus of the Russian National Corpus. The article shows that the Russian word “доброта” exhibits all the signs of possible linguistic specificity: a large number of words and phrases, in response to which the analyzed lexical unit appears in the Russian translation, as well as cases of their absence. The scientific novelty of the research lies in the fact that the contextual conditions for the appearance of the word “доброта” in the Russian translation are considered and described for the first time, the semantics of the analyzed unit and its correspondences are clarified. As a result of the research, it is confirmed that many different functionally equivalent fragments (including those encountered only once), in response to which the word “доброта” appears in the Russian translation, form a special configuration of semantic components and possible variants of the meaning of the lexical unit. At the same time, the data of component and contextual analysis show that none of the English correspondences possesses a unique combination of these semantic components in one type of usage.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что использование аутентичных примеров на основе параллельных корпусов текстов является новым приемом в теории и практике перевода, в двуязычной лексикографии и контрастивной лингвистике. Анализ контекстных условий на английском языке, которые привели к появлению слова *доброта* в русском переводе, позволяет уточнить семантику самой лексической единицы и ее переводных эквивалентов.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить функционально эквивалентные фрагменты в тексте оригинала, которые способствуют появлению лексической единицы *доброта* в русском переводе;

- рассмотреть признаки возможной лингвоспецифичности слова *доброта* в обратном переводе;
- провести компонентный и контекстуальный анализ фрагментов оригинала для уточнения семантики анализируемой единицы и ее соответствий.

В статье применяются следующие методы исследования: методы теоретического анализа для систематизации и дифференциации терминов корпусной лингвистики и теории перевода; метод компонентного анализа для выделения дифференциальных и интегральных признаков у лексической единицы «доброта» и ее английских соответствий; метод контекстуального анализа для уточнения семантического описания функционально эквивалентных фрагментов; унидирекциональный (монофокусный) метод анализа для установления возможной лингвоспецифичности слова.

Материалом для исследования послужили 314 примеров употребления лексической единицы *доброта* в текстах перевода с английского на русский язык, извлеченных из параллельного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Компонентный анализ значения проведен на материале Словаря русского языка в четырех томах (Малого академического словаря) под редакцией А. П. Евгеньевой и Oxford English Dictionary.

Теоретическую базу исследования составляют работы об использовании корпусов текстов в теории и практике перевода, двуязычной лексикографии и сопоставительной лексикологии (Добровольский, Кретов, Шаров, 2005; Добровольский, 2015; Савчук, Архангельский, Бонч-Осмоловская и др., 2024), об эффективности монофокусного метода семантического анализа в обратном переводе (Бунтман, 2014; Добровольский, Зализняк, 2021; Шмелев, Зализняк, 2017; Зализняк, Денисова, Микаэлян, 2018; Shmelev, 2020), а также базовые положения о «значении как употреблении» (Виноградова, 2021) и о роли контекста в процессе перевода (Комиссаров, 1990; Рябцева, 2021; Хухуни, Валуццева, 2003).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его материалы при разработке и чтении курсов по теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, лексикологии, контрастивной лингвистике. Кроме того, представленный в статье материал словарного и контекстуального описания лексической единицы «доброта» может быть использован в качестве примера для современных лексикографических двуязычных проектов, например, при формировании переводных словарей нового типа.

Обсуждение и результаты

Обратный, или реверсивный, перевод (то есть перевод с иностранного на русский язык) широко используется в рамках унидирекционального (монофокусного) подхода к контрастивным корпусным исследованиям (Бунтман, 2014; Добровольский, 2015; Шмелев, Зализняк, 2017).

Выявление тех семантических и прагматических признаков высказывания на иностранном языке, которые привели к появлению анализируемого слова в русском переводе, способствует не только верификации и уточнению семантического описания самой лексической единицы, но и установлению типологических и каких-либо иных сходств и различий между функционально эквивалентными фрагментами в заданных контекстных условиях.

Термин «функционально эквивалентный фрагмент» (ФЭФ) был предложен Д. О. Добровольским (Добровольский, Кретов, Шаров, 2005, с. 266) для обозначения отношений типа *слово – слово*, *слово – словосочетание* и *словосочетание – слово* в языке оригинала и перевода. И если перевод лингвоспецифичных слов, как правило, представляет собой отрефлексированную задачу, в решении которой большую роль играют индивидуальные предпочтения переводчика, то появление лингвоспецифичных слов в переводе чаще всего отражает его спонтанную речевую деятельность как носителя языка (Шмелев, 2020). Именно поэтому анализ ФЭФ, и особенно тех случаев, когда в оригинальном иностранном тексте отсутствует конвенциональный эквивалент некоторой единицы русского языка, оказывается наиболее информативным (Shmelev, 2020).

Необходимо отметить, что термин ФЭФ чаще употребляется в широком значении «модели», а не «стимула перевода». Несмотря на то, что термины «модель перевода» (англ. *translation pattern*, например, в (Out of Corpora..., 1999)) и «стимул перевода» (Loiseau, Sitchinava, Zalizniak et al., 2013) были введены корпусными лингвистами довольно давно, на II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Перевод как профессия, наука, творчество» (МГЛУ, 2024) употребление термина «модель перевода» в значении «слово или словосочетание, используемое в качестве переводного эквивалента рассматриваемой лексической единицы» (the set of translations for an original word) (Loiseau, Sitchinava, Zalizniak et al., 2013, p. 101) было подвергнуто критике, поскольку общепринятой является интерпретация модели перевода В. Н. Комиссаровым (1990, с. 158). В наименовании термина «стимул перевода» (как слова или словосочетания, в качестве «реакции» на которые лингвоспецифическая единица появляется в обратном переводе) был отмечен бихевиористский подход, и рекомендовано пересмотреть данную терминологию. Поскольку в настоящий момент альтернативные варианты этих терминов отсутствуют, мы используем описательное определение явлений, термин ФЭФ для обоих языков, а также «стимул перевода» в кавычках.

Как показывают корпусные исследования, русское слово *доброта* используется переводчиками чаще, чем авторами оригинальных художественных текстов: так, англо-русская языковая пара в составе НКРЯ содержит 324 вхождения этого слова на 23,2 миллиона словоупотреблений (то есть 13.96 ipm), тогда как русско-английская пара – 213 вхождений слова *доброта* на более чем 17,4 миллионов словоупотреблений (то есть 12.23 ipm) по состоянию на 10 февраля 2025 г.).

Рассмотрим признаки возможной лингвоспецифичности слова *доброта* в обратном переводе, а именно: (1) каково количество и частотность ФЭФ, способствующих появлению лексической единицы в тексте перевода; (2) присутствуют ли среди них многокомпонентные ФЭФ; (3) зафиксированы ли случаи отсутствия (*ZERO*) какого-либо ФЭФ, который «стимулирует» появление анализируемой русской лексической единицы (Зализняк, 2016).

В первом столбце статистической таблицы (Таблица 1) указано английское слово или словосочетание, в качестве «реакции» на которое *доброта* появляется в обратном переводе, во втором – сколько раз данный фрагмент встретился, в третьем – какой процент от общего количества ФЭФ для данного русского слова это составляет.

Таблица 1. Английские ФЭФ, стимулирующие появление русского слова «доброта» в обратном переводе

#	ФЭФ английского языка	Количество МЭ	% в группе
1	<i>kindness</i>	146	48,50
2	<i>goodness</i>	35	11,63
3	<i>kind</i>	25	8,31
4	<i>good</i>	10	3,32
5	<i>kindly</i>	9	2,99
6	<i>kindliness</i>	8	2,66
7	<i>good nature</i>	7	2,33
8	<i>nice</i>	4	1,33
9	<i>sweetness</i>	4	1,33
10	<i>benevolence</i>	3	1,00
11	<i>gentleness</i>	3	1,00
12	<i>ZERO</i>	3	1,00
13	<i>charity</i>	2	0,66
14	<i>good naturedly</i>	2	0,66
15	<i>kind heart</i>	2	0,66
16	<i>kind-heartedness</i>	2	0,66
17	<i>sweet</i>	2	0,66
18	<i>warmth</i>	2	0,66
19	<i>affability</i>	1	0,33

Кроме того, по одному разу встретились существительные *angel, favor, generosity, humanity, grace, niceness, over-kindliness, philanthropy, ruth, service, tenderness, unkindness, wonder*, прилагательные *excellent, unassuming, venerable*, а также и несколько сложных выражений (*amiable character, good actions, good guy, good heart, good principles, good souls, good things, good will, good feeling, good heartedness, kind manner, kindly care, kindly heart, natural grace*).

Таким образом, первый признак – количество и частотность ФЭФ, способствующих появлению лексической единицы в тексте перевода, – может свидетельствовать о значительной лингвоспецифичности слова *доброта*, поскольку в англо-русской языковой паре нами выявлено 25 разных слов, в качестве реакции на которые анализируемая единица появляется в переводе. Очевидное преобладание одного эквивалента *kindness* (48,5%) может быть объяснено широким спектром его значений: в толковом словаре зафиксировано семь основных значений с разными оттенками (Oxford English Dictionary).

Высокая степень абстрактности значения позволяет данной единице реализовывать свой потенциал во многих контекстах: от отдельного доброго чувства и поступка (во множественном числе или с неопределенным артиклем) до природной доброты и ее выражения в добродетельном поведении. Даже в одном примере *kindness* может интерпретироваться как «приятное времяпрепровождение», «отправка домой» и «спасение жизни»:

(1) *"I'm much obliged for all your kindness, said the boy, and very grateful to you for saving my life and sending me home again after all the good times I've had"* (Frank Baum L. Dorothy and the Wizard in Oz. 1908). / Большое вам спасибо за доброту, – с чувством сказал мальчик, – и за то, что спасли мою жизнь, и за то, что помогаете теперь вернуться домой, словом, за все. Здесь у вас так здорово! (Фрэнк Баум Л. Дороти и Волшебник в Стране Оз (Т. Д. Венедиктова, 1992)).

Обратим внимание на вариант перевода этих трех ФЭФ: если «спасти жизнь» кажется переводчику достаточным для реализации смысла *доброты*, то к *"sending home"* добавляется «помогаете», а фраза *"all the good times"* сокращается до первого элемента, то есть «приятное времяпрепровождение» из узкого переносится в широкий контекст.

В русско-английской языковой паре вариант *kindness* преобладает так же существенно (42,64%), однако следует упомянуть и еще один количественный параметр, который может быть извлечен из корпусных данных и касается того, как переводится этот преимущественный эквивалент на русский язык. В англо-русском сегменте корпуса слово *kindness* встречается 382 раза, из которых оно переведено на русский язык словом *доброта* всего 146 раз, в то время как для остальных случаев переводчиками предложено около 70 переводных соответствий с разной частотностью употребления.

Многокомпонентные ФЭФ как второй признак лингвоспецифичности в большинстве случаев (11 против 3) также стараются подчеркнуть серьезность *доброты* и стойкую характеристику личности, а не отдельные поступки. Так, в следующем примере *kind heart* как природное добросердечие раскрывает свою конфигурацию смыслов при помощи единиц *usually, great many, well known, everyone*. И снова обратим внимание

на контекст помощи, причем *доброта* трактуется здесь не только как готовность помочь, но и как то, к чему приятно взывать о помощи:

(2) *He had usually a great many letters, for he was a public man and well known for his kind heart, so that everyone who was in trouble was glad to turn to him* (Conan Doyle A. The Hound of the Baskervilles. 1902). / На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей *добротой*. К нему каждый обращался со своим горем (Конан Дойл А. Собака Баскервилей (Н. Волжина, 1948)).

Нулевая эквивалентность, или третий признак лингвоспецифичности, характеризуется низкой частотностью и формируется речевой ситуацией. В следующем примере *доброта* описывает приятные слова, сказанные Руфью, чтобы отвлечь и поддержать Мартина:

(3) *He, in turn, realized what she had done, and in the consequent warm surge of gratefulness that overwhelmed him forgot his loose-worded tongue* (London J. Martin Eden. 1909). / А он понял, что она сказала это по *доброте*, горячая волна благодарности поднялась в нем, и опять он забыл, что надо выбирать слова (Лондон Дж. Мартин Иден (Р. Е. Облонская, 1984)).

Интересно отметить, что в качестве похвалы Руфь говорит о помощи Мартина незнакомому человеку, снова формируя особый контекст *доброты*, где все помогают друг другу: *"It was brave of you to help Arthur the way you did - and you a stranger", she said tactfully, aware of his discomfiture though not of the reason for it* (London J. Martin Eden. 1909). / Как смело было с вашей стороны *прийти на помощь* Артуру; тем более что он вам совсем чужой, – сказала Руфь деликатно, заметив его смущение, но не поняв причины (Лондон Дж. Мартин Иден (Р. Е. Облонская, 1984)).

Для составления более точной картины смысловых компонентов *доброты* в направлении от английского к русскому обратимся к компонентному и контекстуальному анализу наиболее частых «стимулов», в качестве «реакции» на которые единица *доброта* появляется в обратном переводе.

Помимо общего описания *"kind nature or disposition, or the exhibition of this in action or conduct"* (Oxford English Dictionary) / *добрый характер или предрасположенность, или проявление этого в действиях или поведении*, компонентный анализ конвенционального эквивалента *kindness* обнаруживает значение «добрый поступок» в случае употребления абстрактного существительного с неопределенным артиклем или в форме множественного числа (*"with a and pl.: an instance of this; a kind act"* (Oxford English Dictionary)). Обратим внимание, что в большинстве подобных контекстов *kindness* переводится на русский язык не как *доброта*, а как *любезность*, то есть «обходительность, учтивость» (Словарь русского языка, 1985-1988):

(4) *Captain Brown called one day to thank Miss Jenkyns for many little kindnesses, which I did not know until then that she had rendered* (Gaskell E. Cranford. 1853). / Как-то капитан Браун явился с визитом, чтобы поблагодарить мисс Дженкинс за множество мелких *любезностей*, о которых я до тех пор ничего не знала (Гаскелл Э. Крэнфорд (И. Г. Гурова, 1973)).

В значении переводного эквивалента *goodness* также отмечается окказиональная возможность употребления во множественном числе, однако в его случае речь идет о более устойчивых характеристиках (качествах) человека, чем отдельно взятый (и, возможно, случайный) поступок: *"occasionally in pl.: good qualities"* (Oxford English Dictionary).

В самом широком смысле *goodness* как *"moral excellence, virtue"* (Oxford English Dictionary) / *моральное совершенство, добродетель* отсылает исследователя к этическим и философским вопросам об идеале и истине, о морали и нравственности, о добре и зле. Неслучайно примеры со «стимулом» *goodness* часто становятся интертекстуальными:

(5) *I rely implicitly on His power, and confide wholly in His goodness: I count the hours till that eventful one arrives which shall restore me to Him, reveal Him to me* (Brontë Ch. Jane Eyre. 1847). / Я доверяюсь его всемогуществу и его *доброте*. Я считаю часы до той великой минуты, когда возвращусь к нему (Бронте Ш. Джейн Эйр (В. Станевич, 1950)).

Обратим внимание на сохранение этой тенденции для произведений, достаточно далеко отстоящих во времени:

(6) *Goodness and truth shine from her as from a true saint of the people* (Hemingway E. For Whom The Bell Tolls. 1940). / Она вся светится правдой и *добротой*, как подлинная народная святая (Хемингуэй Э. По ком звонит колокол (Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968)).

К отвлеченному описанию морального совершенства субъекта во втором значении *goodness* добавляется объект – *"as displayed in one's relations to others"* (Oxford English Dictionary) / *как это проявляется в наших отношениях с другими людьми*, – привносящий смысловую динамику и превращающий состояние в отношение:

(7) *I valued what was good in Mrs. Fairfax, and what was good in Adele; but I believed in the existence of other and more vivid kinds of goodness, and what I believed in I wished to behold* (Brontë Ch. Jane Eyre. 1847). / Я очень ценила все хорошие качества миссис Фэйрфакс и Адели, но я верила, что существует другая, более деятельная *доброта*, – а то, во что я верила, я желала и увидеть (Бронте Ш. Джейн Эйр (В. Станевич, 1950)).

Контекстные условия приведенного примера формируют оппозицию (*but*) абстрактного (*value, good, believe*) и конкретного (*exist, other and more vivid, behold*), а многосоюзие и троекратный повтор единицы *what* обращают противопоставление в процесс, в котором качество должно проявиться в действии. Неслучайным представляется синтаксический параллелизм и повтор корневой морфемы *good* в тексте оригинала как выражение самой общей оценки (*"the most general adj. of commendation"* (Oxford English Dictionary)).

«Стимул» *good* активно проявляет себя в контекстах о доброте как самостоятельно, так и в составе многокомпонентных ФЭФ. Широта его значения трудно постижима и может быть ограничена лишь контекстом: *"implying the existence in a high, or at least satisfactory, degree of characteristic qualities which are either admirable in themselves or useful for some purpose"* (Oxford English Dictionary). / *подразумевающий наличие в высокой или,*

по крайней мере, удовлетворительной степени характерных качеств, которые либо достойны восхищения сами по себе, либо полезны для достижения какой-либо цели.

В приведенном далее примере очевидна эмоциональная и рациональная разница между хорошим и плохим, желаемым и полезным, своим и чужим. И снова *good* повторяется несколько раз, но повтор способствует не убеждению, а зарождению сомнений в правильности оценки и действий:

(8) *I had been deceived, monsieur, my savings stolen, and there was a child. Madame was **good** to me. She arranged for the baby to be brought up by some **good** people on a farm – a **good** farm, monsieur, and honest people* (Christie A. Death in the Clouds. 1935). / Меня обманули, украли все мои сбережения, и я осталась одна с ребенком. Мадам проявила ко мне необычайную **доброту**. Она отдала моего ребенка на воспитание хорошим, порядочным людям, содержавшим ферму (Агата Кристи. Смерть в облаках (Г. В. Сахацкий, 2016)).

В составе многокомпонентного «стимула» единица *good* более предсказуема: так, *good nature* трактуется как “pleasant or kindly disposition” (Oxford English Dictionary) / приятный или добродушный нрав, хотя и здесь важную роль играет оценка и мера: “chiefly denoting a readiness (often excessive) to comply with the wishes or importunities of others” (Oxford English Dictionary). / главным образом обозначая готовность (часто чрезмерную) подчиняться желаниям или назойливости других людей). Неслучайно контексты о доброте изобилуют средствами выражения различной степени качества, особенно превосходной, например:

(9) *That he should have so much good-nature as to forgive me was surprising enough; that he could wish to take me up and serve me seemed impossible; and I began to seek some ulterior meaning* (Stevenson R. L. Catriona. 1893). / Удивительно было уже то, что у него хватило **доброты** простить меня, но его желание взять меня под свою опеку и оказать мне содействие было уму непостижимо, и я начал искать во всем этом скрытый смысл (Стивенсон Р. Л. Катриона (Н. Тренева, В. Хинкис, 1967)).

Поиск «скрытых смыслов», того «полезного», что человеческий разум стремится определить как «хорошее» (*good*), становится постоянным спутником добрых контекстов. Однако и чувственная сторона не уступает: компонент “pleasant” появляется также в дефинициях ФЭФ *kindness/kindly* (“in a way that is pleasant or agreeable to the recipient or object” / способом, который приятен получателю или объекту), *nice* (“agreeable; that one derives pleasure or satisfaction from; delightful” / приятный; от которого человек получает удовольствие или удовлетворенность; восхитительный) и *sweet* (“pleasing; yielding pleasure or enjoyment; agreeable, delightful, charming” / приятный; доставляющий удовольствие или уладу; приятный, восхитительный, очаровательный) (Oxford English Dictionary). Интересно обратиться к следующему примеру, в котором сочинительная связь в словосочетании “good actions (как доброта) and pleasant ways (как вежливость)” объединяет субъект и объект действия:

(10) *We are not vain in the Valley of Voe, because we can not display our beauty, and good actions and pleasant ways are what make us lovely to our companions* (Frank Baum L. Dorothy and the Wizard in Oz. 1908). / Мы здесь, в Долине Во, не тщеславны и в своих ближних ценим не красоту, а **доброту** и вежливость (Л. Фрэнк Баум. Дороти и Волшебник в Стране Оз (Т. Д. Венедиктова, 1992)).

Единица *companion* в самом общем значении “one who associates with or accompanies another” (Oxford English Dictionary) / тот, кто общается с другим человеком или сопровождает его открывает новый смысл в интерпретации доброты как отношения, свойственного любви и дружбе:

(11) *It has made me many friends, I assure you, and it beats as **kindly** and **lovingly** today as it every did* (Frank Baum L. Dorothy and the Wizard in Oz. 1908). / Оно помогло мне найти множество друзей и, уверяю вас, исполнено и по сей день любви и **доброты** (Фрэнк Баум Л. Дороти и Волшебник в Стране Оз (Т. Д. Венедиктова, 1992)).

Помимо *kind* как “affectionate, loving, fond, on intimate terms” / нежный, любящий, привязанный, в интимных отношениях, в контекстах часто реализуется значение “exhibiting a friendly or benevolent disposition by one’s conduct to a person or animal” / проявление дружеского или благожелательного расположения своим поведением по отношению к человеку или животному (Oxford English Dictionary), например:

(12) *There were several gentlemen who knew my sad history and united to help me. One was Mr. Stapleton, a neighbour and intimate friend of Sir Charles’s. He was exceedingly **kind**, and it was through him that Sir Charles learned about my affairs* (Conan Doyle A. The Hound of the Baskervilles. 1902). / Мне помогли общими силами и другие джентльмены, которые знали мою печальную историю. Один из них был мистер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Он проявил ко мне исключительную **доброту**, и сэр Чарльз через него познакомился со мной (Конан Дойл А. Собака Баскервильей (Н. Волжина, 1948)).

Элемент *intimate*, появляющийся в контексте с *friend* и играющий важную роль в интерпретации «стимула» *kind* представляет особый интерес. С одной стороны, в случае с мистером Стэплтоном, дружеское участие, «желание помочь в трудной ситуации» (to help, sad history) точно определяет частое условие появления доброты в обратном переводе. Неслучайной представляется и фиксация данных контекстных условий в известной пословице “A friend in need is a friend indeed”. / Друг познается в беде.

С другой стороны, помимо значения “closely connected by friendship or personal knowledge” / тесно связанные дружбой или личным знакомством, лексическая единица *intimate* означает “most inward, connected with the fundamental character; essential”. / самый глубокий, связанный с фундаментальным характером; существенный (Oxford English Dictionary). В своем первом значении *kind* есть “natural, native”; а *kindly* значит “in an easy natural way; readily; congenially; spontaneously” / легким естественным образом; с готовностью; по духу; спонтанно, поскольку этимологически прилагательное *kind* представляется конверсией существительного *kind* в значении «природа, характер» (“nature, character, and related senses”) (Oxford English Dictionary). Таким образом, в обратном переводе лексическая единица *доброта* появляется как наименование естественного положительного свойства человека, его первого спонтанного импульса. В этой связи интерес представляет и устаревшее

значение ФЭФ *nice* как “(Obs) foolish, stupid, senseless” (Oxford English Dictionary), которое можно интерпретировать как «бессмысленное» (бесполезное) и «кажущееся глупым» (оцениваемое как нечто безрассудное).

В значении «стимула» *charity* даже без особых христианских ассоциаций также присутствует компонент великодушного и спонтанного добра: “without any specially Christian associations: Love, kindness, affection, natural affection; now esp. with some notion of generous or spontaneous goodness” / без каких-либо сугубо христианских ассоциаций: любовь, доброта, (Oxford English Dictionary) привязанность, естественная привязанность; особенно сейчас: с некоторым представлением о щедрой или спонтанной доброте, в то время как его первое значение отсылает именно к Христианской любви, а сама *Christian love* трактуется как «любовь Бога к человеку, человека к Богу и ближнему» (Oxford English Dictionary). Продemonстрируем динамику значений примерами из корпуса, отстоящими во времени почти на двести лет:

(13) “It is true, replied Wamba, that I, being but an ass, am, nevertheless, honoured to hear the bells as well as your reverence's mule; notwithstanding, I did conceive that the **charity** of Mother Church and her servants might be said, with other charity, to begin at home” (Scott W. Ivanhoe. 1819). / Я всего лишь осел, – отвечал Вамба, – и даже имею честь носить такие же колокольчики, как и мул вашего преподобия. Однако мне казалось, что **доброта** матери-церкви и ее служителей проявляется, как и у всех прочих людей, прежде всего к своей семье (Скотт В. Айвенго (Е. Бекетова, 1890-1902)).

(14) Most likely this man has not received much **charity** in his short life; how ironic that I should be mistaken as the face of **mercy** (Gerritsen T. The Apprentice. 2002). / Скорее всего в короткой жизни парня было совсем мало **доброты**; какая ирония судьбы – меня вдруг ошибочно приняли за **благодетеля** (Герритсен Т. Ученик (И. А. Литвинова, 2015)).

Если в первом случае указательный минимум “of Mother Church” определяет христианскую направленность контекста, то во втором примере, описывающем наблюдения за смертью человека на тюремном дворе, прямые христианские ассоциации отсутствуют, однако размышления о кончине ведутся в известном ключе (“deathbed confession”, “holy water”, “a sacred spring”, “charity”, “mercy”). Обратимся и к широкому контексту: в обоих примерах речь снова идет о помощи. Настоятель просит показать дорогу до ближайшего ночлега, а умирающий «думает, что я пытаюсь помочь ему, и в его глазах вспыхивает искорка благодарности». Однако после нескольких острот шут (из примера 13) указывает служителям церкви неверный путь, а наблюдателя (из примера 14) «совершенно не интересует» ни то, что хочет сказать умирающий, ни его страдания.

Ироничное отношение к человеческим знаниям, представлениям, суждениям и оценкам объединяет оба примера, и, вероятно, именно такой (в некотором роде скептический) подход к доброте внешней сводит *charity* к “benevolence to one's neighbours, esp. to the poor” (Oxford English Dictionary) / доброжелательность к ближним, особенно к бедным, а ФЭФ *benevolence* в реверсивном переводе ни разу не реализует свой высокий филантропический потенциал (“desire to promote the happiness of others” (Oxford English Dictionary). / желание способствовать счастью других. И даже надежда на чувство милосердия (как общее состояние или склонность к человечеству в целом) (“charitable feeling (as a general state or disposition towards mankind at large)” (Oxford English Dictionary)), заявленная в следующем контексте элементом *depths*, категорически отрицается:

(15) Pray, don't imagine that he conceals depths of **benevolence** and affection beneath a stern exterior! (Brontë E. Wuthering Heights. 1847). / Не воображай, моя милая, что под его суровой внешностью скрыты **доброта** и нежность, что он – простой селянин (Бронте Э. Грозовой перевал (Н. Вольпин, 1956)).

Отрицательные конструкции являются неотъемлемой характеристикой контекстов о доброте и присутствуют во многих примерах. Чаще всего используется аффиксация, отрицательные частицы и местоимения. В 12 английских оригинальных текстах появляется даже слово *unkindness*, которое переводится на русский язык как «зло», «грубости», «враждебность», «недоброжелательство», «недоверие» и проч. В случае с этически-ми категориями описание явления при помощи отрицания подтверждает его сложную организацию и становится апофатическим.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В реверсивном переводе русской лексической единицы *доброта* показателен, прежде всего, факт преобладания разных «стимулов» перевода (47), в том числе встретившихся по одному разу. Это множество вариантов формирует особую конфигурацию смысловых компонентов и возможных вариантов значения русского слова *доброта*, подтверждая его лингвоспецифичность.

В направлении от английского к русскому *доброта* в первую очередь представляет собой готовность помочь как естественное (врожденное, природное) свойство личности и оказывается связана с категориями любви и дружбы. Природа этого свойства иррациональна, и в эмоциональном смысле *добротой* можно назвать то, что приятно. В рациональном плане *доброта* есть то, что хорошо (нужно, полезно) другому, однако это с трудом поддается верному оцениванию, поэтому в английских контекстах большую роль играет ирония.

В силу своей многозначности конвенциональный эквивалент *kindness* почти в половине случаев стимулирует появление *доброты* в русском переводе, однако в нем неустраиваемым образом присутствует «лишний» компонент (“the exhibition; an instance”). Высокое представление о доброте как добродетели демонстрируют «стимулы перевода» *benevolence, charity, good, goodness, humanity, philanthropy*. Сила чувства и эмоции реализуется в единицах *nice, niceness, sweet, sweetness, warmth, wonder*. Однако ни один ФЭФ не обладает уникальной комбинацией всех смысловых компонентов в одном типе употребления.

В качестве перспектив дальнейшего исследования видится проведение более детального контекстуального анализа лексической единицы *доброта* в прямом и обратном переводе с целью зафиксировать каждое значение, описать и классифицировать его в соответствии с наиболее релевантным переводным эквивалентом.

Материалы исследования | Research materials

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2003–2025. <https://ruscorpora.ru/>
2. Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988 гг.
3. Oxford English Dictionary. Third Edition. <https://www.oed.com/>

Источники | References

1. Бунтман Н. В. Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросс-лингвистических баз данных // Информатика и ее применения. 2014. Т. 8. Вып. 2. <https://doi.org/10.14357/19922264140210>
2. Виноградова С. А. Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4 (71). <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.4.030>
3. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6.
4. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов // Вопросы языкознания. 2021. № 6. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.6.22-39>
5. Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
6. Зализняк А. А. База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2016.
7. Зализняк А. А., Денисова Г. В., Микаэлян И. Л. Русское как-нибудь по данным параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2018.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990.
9. Рябцева Н. К. Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода // Научный диалог. 2021. № 8. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-87-111>
10. Хухуни Г. Т., Валуица И. И. Межкультурная адаптация художественного текста. М., 2003.
11. Шмелев А. Д. Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: тоска // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2020. Т. 2. Вып. 19 (26).
12. Шмелев А. Д., Зализняк А. А. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2017. Т. 2.
13. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
14. Loiseau S., Sitchinava D. V., Zalizniak A. A., Zatsman I. M. Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus // Информатика и ее применения. 2013. Т. 7. Вып. 2.
15. Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson / ed. by H. Hassengard, S. Oksefjell. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1999.
16. Shmelev A. Russian Language-specific Words in the Light of Parallel Corpora // Meaning, Life and Culture: In Conversation with Anna Wierzbicka / eds. H. Bromhead, Zh. Ye. Canberra: Australian National University, 2020.

Информация об авторах | Author information**Войченко Наталия Владимировна¹**, к. филол. н., доц.¹ Московский педагогический государственный университет**Natalia Vladimirovna Voichenko¹**, PhD¹ Moscow State Pedagogical University¹ nv.voichenko@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 20.05.2025; опубликовано online (published online): 11.08.2025.

Ключевые слова (keywords): лингвоспецифичность; обратный (реверсивный) перевод; функционально эквивалентный фрагмент; стимул перевода; лексическая единица «доброта»; linguistic specificity; back (reverse) translation; functionally equivalent fragment; translation stimulus; lexical unit «доброта» (kindness, goodness).